

Проводы безъ слезъ.

Русская деревня стала жить безъ вина. Вѣковое пьянство и соединенные съ нимъ озорство и сквернословіе вдругъ исчезли изъ русской жизни, сгинули, провалились словно сквозь землю... Совершилось чудо въявь. Властнымъ приказаніемъ Государя Императора прекращена торговля спиртными напитками на все время войны и—есть увѣренность—будетъ прекращена навсегда. Дозакательствомъ категоричности рѣшенія Правительства окончательно порвать съ „грѣшнымъ бюджетомъ“ служатъ слова историческаго отнынѣ русскаго министра, Г. Фарка, сказанные имъ по поводу запрещенія торговли виномъ въ казенныхъ

винныхъ лавкахъ: „Мы не откроемъ ихъ во все время войны и, Богъ дастъ, не откроемъ ихъ совсѣмъ“... („Русское Слово.“ № 194. 24 августа 1914 г. „Бесѣда съ П. Л. Баркомъ“.)

Колоссальное значеніе и историческій поворотъ въ русской жизни, связанные съ этимъ рѣшеніемъ Правительства, пока еще и не могутъ поддаться никакому учету... Самое смѣлое воображеніе не можетъ пока представить ходъ этого „иного житія вѣчнаго начала“, но сказочность грядущаго существованія неожиданно выплывшаго изъ пьянаго моря населенія чутся сердцемъ... Вѣрится, что слова покойнаго А. П. Чехова, зафиксированнаго въ яркихъ картинахъ—на память будущимъ вѣкамъ—русскую жизнь: „Жизнь черезъ 300 лѣтъ будетъ невообразимо прекрасной“—сбудется теперь значительно скорѣе...

Въ „трезвой деревнѣ“ мы пока пережили полтора—два мѣсяца, но рѣзкая перемѣна, происшедшая съ населеніемъ за это время, такъ характерна, что я, даже самъ сомнѣваясь въ подлинности происходящаго—до того оно чудесно, не могу не отмѣтить на страницахъ нашего епархіальнаго органа въ нѣкоторыхъ частностяхъ нынѣшняго состоянія жизни своего прежде по преимууществу пьянаго прихода...

Въ моемъ приходѣ издавна существовала винная лавка (прежде держали лавку откупщики), и прихожане, при отсутствіи или потворствѣ полици, торговали виномъ невозбранно, спавшая всѣхъ окрестныхъ татаръ и еще болѣе напиваясь сами. Въ будни и въ праздники, днемъ и ночью—круглыя сутки орды пьяныхъ бродили по улицамъ, сквернословили на всѣхъ перекресткахъ, „ла-яли“ на немногихъ попадавшихся имъ трезвыхъ, творили непристойности, горлачили на все село самыя непристойныя пѣсенки и прибаутки... Дикая, непристойная фабрично-деревенская частушка со всякими вариациями, какія способенъ былъ создать злой и пьяный мозгъ дикихъ деревенскихъ „саврасовъ“, окончательно сбросившихъ съ себя узду стыда и совѣсти, съ аккомпаниментомъ визливыхъ дешевыхъ гармоникъ, царила надъ приходомъ, заглушая скорбно смиренныя минорныя церковныя пѣнопѣнія и развращая даже дѣтей, „не умѣвшихъ отличить правой руки отъ лѣвой“. Кражи и драки процвѣтали десятилѣтіями. Волостной

судь былъ переполненъ дѣлами моихъ прихожанъ. Авторитетъ духовенства стоялъ невысоко. Проповѣди вызывали лишь раздраженіе...

„Ишь выдумщикъ!“ — говорили прихожане по поводу рѣчей о пьянствѣ: „прежніе священники въ наши дѣла не путались, а этому все неладно... Гордецъ... Прежніе съ нами на свадьбахъ пили, не брезговали!.. Ишь ругается въ церкви! Мы пьяны на свои деньги!.. Давайте приговоръ писать, чтобы стараго попа воротить, а этотъ пусть къ старовѣрамъ идетъ: у нихъ все строго“... и т. д. Въ населеніи замѣчалась крайняя озлобленность ко всѣмъ и всему. Пьяный народъ злился на весь строй, всѣхъ считалъ подлецами и дураками, а себя считалъ всѣхъ умнѣе и всѣхъ счастливѣе... Сколько горя мнѣ пришлось вытерпѣть за два—три года пребыванія въ этомъ селѣ и перечислить нельзя.. Подавалъ прошенія о переводѣ, жмурилъ глаза и затыкалъ уши, временами являлось неодолимое желаніе сложить съ себя непосильную тяжесть особо отвѣтственнаго священнаго званія... Но вдругъ Провидѣніе сжалилось надъ бѣднымъ сельскимъ безпомощнымъ паствыремъ...

Прешель гнѣвъ Господень.

„Время плакать и время смѣяться“...

За первый мѣсяцъ общей трезвости и порядочности я не слыхалъ на улицахъ ни одного браннаго слова.

Похабныхъ пѣсень — тоже.

Дракъ и кражъ — ни одной.

Дѣлъ въ Волостномъ судѣ по справкѣ не оказалось ни одного, гдѣ бы фигурировалъ хоть одинъ мой прихожанинъ.

Кружечный братскій доходъ достигъ за августъ мѣсяцъ до 12 р. 27 коп. (Въ прошломъ, урожайномъ году доходъ записанъ за августъ въ суммѣ 6 р. 82 коп.).

Особенно веселы и рады пожилыя женщины.

— Что это-словно и свѣтъ-то другой сталъ!...

И никто не желѣтъ пропавшаго вдругъ вина и прежней пьяной жизни.

Разлука — безъ печали.

Какъ чувствуютъ себя запойные пьяницы, не знаю: прячутся...

Бѣгають отъ людей и свѣта, ни единому же гонящу ихъ... и то добре!...

Такіе же прекрасные результаты, полученные отъ запрещенія продажи спиртныхъ напитковъ, наблюдали и другія, опрошенныя мною, лица самыхъ разнообразныхъ профессій: священники, врачи, земскіе начальники, купцы, рабочіе съ фабрикъ, писаря, почталыоны, земскіе дѣятели.

Будемъ надѣяться, что возвращенія къ прежней пьяной жизни не произойдетъ... Вся честная, мыслящая Россія въ одинъ голосъ безповоротно осудила прежній „грѣшный путь“...

Да будутъ же благословены знаменательное историческое время и лица, тѣмъ или инымъ способомъ послужившіе дѣлу отрезвленія родного народа...

Прошлаго никому не жаль...

Священникъ *Веніаминъ Павловъ.*